

Бывальщины Русского Севера

В русском фольклоре бывальщина занимает заметное место. В ней мы видим поэтическое переосмысление древних языческих представлений русского народа. Мифологические персонажи: леший, водяной, домовый, банник и т.д. выступают в качестве действующих лиц этих высокохудожественных и остросюжетных произведений. Характерной особенностью бывальщины является явное желание рассказчика убедить слушателей, что то, о чём он повествует – реальный случай из народной жизни. Органическое слияние этих двух смысловых пластов – реального и фантастического – придаёт особую прелесть этим кратким, но глубоким по содержанию повествованиям устного народного творчества.

Литературная обработка Александром Драчёвым шести бывальщин и одной легенды – не личная фантазия писателя. В основании, в канве, если можно так выразиться, лежат подлинные плоды русской национальной культуры. Легенда «Золотое стремя» имеет несколько вариантов. В одной версии в качестве главного героя выступает простой мужик, в другой – цыган, но сюжетная линия и внутренний смысл остаются без изменений.

Александр ДРАЧЁВ

Покорение Сибири Ермаком.

Вздумали утверждать, что родился Ермак где-то в казацких станицах на Дону, а того в ум взять не могут, что тогда не только на Дону, а и за днепровскими порогами никаких казаков еще не было. Сунулись они было туда, но Менгли-хан живехонько их из Хортицы согнал, а уж у нас на Диком поле только татарские юрты и шныряли. То Крымская орда с Ногайской бьются, то казанцы на рязанские окраины налетают, в полон заберут да в Кафу на невольничий рынок табунами гонят. Это потом уж, когда Грозный царь Казань с Астраханью замирил, спокойно стало на южных рубежах, и потянулись туда разбитные русские головушки, а пока татары между собой воевали – и не сунься, либо голову отсекут, либо изловят и нагалеры продадут.

Отсюда Ермак Тимофеевич, от нас, с Борка, с Двины. Тут у нас все деревни в речной долине возникли: Лапино, Малетино, Березниково, Скоряково, Подувалье, Красавино, а посередке деревня Борок с волостным правлением. С младых ногтей дерзость и упрямство в Ермаке завелись, да и соображать он начал не в пример другим своим сверстникам. За год у дьячка писать, читать и считать выучился, и сызмала уже начал интересоваться, как там за Большим Камнем люди живут и чем промышляют. Жил тут у нас Пахом, древний уже дед. Он еще при Иване III с Семеном Курбским да с Салтыком Травиным за Камень ходил, так Еремейка ему покою не давал, рассказы его слушал, разинув рот. Как-то, лет уж, поди, двенадцать ему было, собрал ватагу ребят, наковыряли из ракушек жемчуга: в те поры его в реке полно было, и вздумали на двух плотах за Камень отправиться на раздобытки. Ранним утром взялись украдкой и начали спускаться вниз по течению Двины.

Уже в Соли Вычегодской, когда по базару ходили целой гурьбой, надеялись жемчуг на соль обменять, их заприметили и дали знать, кому следует. Вот тогда Еремейка первый раз и познакомился с Гришкой Стро-

гановым. С тех пор у них и завелась дружба навек. Пареньков от Пыроса на лошадах домой привезли в сопровождении двух приставов. А уж потом, когда подрост Еремей, большим парнем сделался, начал он собирать ватагу взрослых ребят. Опять с Гришкой связался, и Строгановы выделили молодым промышленникам два дощатых насада, пять семипудовых пищалей, пороха, ядер, свинца, чтоб не дай Бог, вотяки или вогуличи не заозоровали. Всякого, конечно, товару на обмен с тамошним населением. Прежде всего соль, ведь главная еда у сибирских людей – рыба. Также и топоры, косы-горбуши, серпы, наконечники для стрел и всякая другая скобянка.

По Тоболу ходили, возле селений свой товар разложат на берегу и отойдут на самый стержень, а местные жители из лесу выйдут, возьмут, кому что надо, а взамен накладывают шкурки соболей да чернобурых лисиц. Никакого обману отродясь не бывало – самый честный народ сибирский. Много тогда ватажники добра домой привезли. Со Строгановым рассчитались да и сами в накладе не остались. Себе Еремей, сказывают, сорок шкурок соболиных оставил, большие по тем временам деньги, да и товарищей не обделил, никого не пообидел, великой справедливости был человек. За то время, пока за Камень ходил, как-то быстро он возмужал и силушки накопил. Возьмет, бывало, полупудовую гирию, раскрутит ее в одной руке и перекинет через охлупень, на другой стороне дома только счавкает. А как мужики пойдут стенка на стенку, так всякий хоронится, чтоб только под его руку не попасть, с одного удара сшибёт, никто устоять не может. Такая силища была в нем.

Тогда как раз несчастье случилось. Заболел наш царь батюшка Иван Васильевич злой огневицей и уж до того стал доходить, что думали – представится. Дьяк царский начал убеждать его, что нужно завещание писать, кому в случае смерти царство оставить. Царь велит боярам сыну своему Дмитрию крест целовать под присягой, а у них по этому случаю смута началась. Закоперщицей княжна Ефросенья выступила. Сына своего Владимира Андреевича вместо царского младенца на престол прочить стала. Сам-то Владимир Андреевич тихий был, с детства в застенке запуганный, а она была баба задорная, властная. И ведь поддержку нашла в среде боярства. Многие не захотели присягнуть полугодовалому царевичу. И отправила Ефросинья по городам и весям своих людей, чтоб они за сынка ее ненаглядного ратовали. К нам в волость явился ее подручник Истома Горицкий. До Соли Вычегодской с грамотой от Ефросиньи ехал, денег в долг просить, чтоб умасливать строптивых бояр и склонять в свою сторону, если царь-государь, защита и оборона наша, Богу душу отдаст. По пути Истома Горицкий и у нас велел старосте сход собрать. На сходке Истома повел речь, что царь де умирает, а пленочника на царство не надо. Настанет, мол, при пленочнике боярское правление, а все помнят, что они, бояре, творили в малолетство Ивана. Лучше всего выбрать царем Владимира Андреевича Старицкого. А Еремей вызнал, что Горицкий посул дар старосте, чтоб привлечь его на свою сторону. Еремей и упрекнул Истому принародно, что он взятки дает, нечестную игру затевает. Истома рассердился, призвал его на поле спор разрешить. Устроили поединок. Еремей Истому с первого удара зашиб до смерти, тот и охнуть не успел. А ведь княжеский слуга, боярский сын, шутка сказать. Холопы Истома Горицкого хотели Еремея схватить да в Устюг в заточение препроводить. Но все ватажники за него вступились. Никто не посмел его тронуть. А ночью Еремей с двумя товарищами пропал. С тех пор ни духу, ни слуху о нем уже не было.

А к тому времени царь Иван Васильевич поправился, вновь силу обрел, стал о государстве своем размышлять, а тут ему и доложили, что

за Большим Камнем в сибирской стране богатив всяких великое множество. Конечно, и раньше приезжали от хана Едигера, в подданство просились и дань привозили, но после смерти Едигера вести оттуда перестали поступать, не говоря уже о дани. Стал думать царь, как бы той богатой землей овладеть. Знал он, что очень уж далеко она от Московского государства располагается. Размечтался царь, разохотился – не жить, не быть, а подавай ему Сибирское царство. Много дней и ночей не спал Иван Васильевич, все думал, как бы ему ту землю к рукам прибрать, и ничего придумать не мог. Занемог даже царь от горя, почернел весь, да и было от чего – очень уж большая и богатая земля, до слез жалко упускать её в чужие руки. Тут ближние бояре заволновались, как бы им, думают, без царя не остаться, обступили его и стали выпытывать, от чего он так сильно скорбит да печалится.

– От нас не скрывай, царь батюшка, думы свои, мы тебе не враги. В прошлый раз нас бес попутал да Ефросинья смутила, а теперь уж нас никому с толку не сбить. Мы теперь умные стали. Расскажи всё по правде, по совести. А уж мы подумаем, как твоему горю помочь. Может, что-нибудь и придумаем.

А царь помнит их шатания, когда он при смерти лежал, как они не хотели царевичу крест целовать. Им бы, думает, только бородами да кафтанамися трясти да смуты заводить, а дела путного от них никакого не дождешься. И не сказал им ничего. Так и ушли бояре восвояси.

Тут предстал перед царем бедный слуга и спрашивает:

– Скажи, государь батюшка, какая кручина тебя одолела? Издалека ли пришла к тебе дума тревожная?

– А из Сибири дума ко мне пришла, – отвечает царь.

– Может, я тебе чем могу помочь?

– Да где тебе, простому мужику лапотнику. Тут бояре были, умные головы, а и то я им ничего не сказал. Ответь-ка мне лучше, есть ли в моем царстве такой богатырь, который помог бы овладеть Сибирской землей. Я б этого человека наградил достойно. Нужен такой человек, который ничего на свете не боится – ни тьмы врагов, ни молнии, ни грома, ни ружейной стрельбы, ни пушечной пальбы. Есть ли кто в моем царстве такой храбрый да удалый.

Подумал слуга и говорит:

– Знаю я такого человека. Слава о нём по всей Руси идет. Я его с малых лет знаю, ведь я сам родом с Двины, с Борка. Мы ведь с ним земляки. Зовут его Ермак Тимофеевич. Он теперь на Дону промышляет. Не по своей воле. Скрываться вынужден от боярской злобы.

– Знаю, знаю. За меня он вступился, за мою честь царскую, когда я в болезни лежал и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В те поры зашевелились враги мои; в первую очередь тетка моя Ефросинья Старицкая, змея подколодная. По её проискам поехал Истома Горицкий баламутить народ по двинским волостям. Еремей Тимофеев одним ударом прибил его, как муху. Да где теперь найдешь резвеца, гуляет, как ветер в поле.

Но от слов слуги воодушевился Иван Васильевич, бодро вскочил с постели, вызвал слуг и велел им отправляться на Дон, чтобы найти там атамана Ермака Тимофеевича. Отправились гонцы по приказу царя, все казацкие станицы вдоль и поперёк исходили, всех людей – от босоногих ребят до седобородых стариков – спрашивали, у конных и пеших выпытывали, весь украинный люд порасспросили. Все знают Ермака Тимофеевича, но никто сказать не может, где он сейчас обретается, в ка-

ких местах его вольная головушка пребывает. Не нашли Ермака слуги и к царю-батюшке вернулись.

— Тьфу на вас, — осерчал царь и выгнал свою негодную челядь вон из дворца, а велел позвать верного слугу-крестьянина.

— Христом Богом тебя заклinaю! Найди ты мне доблестного ратника Ермака Тимофеевича. Вся душа у меня по царству Сибирскому истомилась. А коль отыщешь казацкого атамана, награжу тебя по-царски. Будешь у меня начальником над всеми слугами, и бояре будут тебе в пояс кланяться.

Намотал слуга-крестьянин онучи, обул лапти, набросил на плечи сермягу, закинул за спину котомку с сухарями и в путь отправился. Идет слуга, на посох опирается, по деревьям ночует, ко всему внимательно приглядывается. Всех, кто по пути встречается, о Ермаке спрашивает. Слышать слышали, говорят люди, что есть на земле такой богатырь, а где найти его — не ведают. Долго ходил крестьянин, уж борода у него до колена выросла, дюжину лаптей износил, одежка вся истончилась, чуть плотнее паутины сделалась, а Ермака и следов нет. Но мужик не унывает, идёт себе да идёт. Вот добрался он до высоких гор. Верхушки под самые небеса забрались. Голову вскинешь, и шапка сваливается. Увидел крестьянин какую-то точку темную впереди. Пригляделся, а это такой же странник, что и он. Встретились они, обрадовались друг другу и вступили в разговор. Узнал крестьянин, что Ермак Тимофеевич по Большому Камню с ватагой гуляет. Исходил он горы с севера до юга. В конце концов напал на след атамана Ермака Тимофеевича. А вскоре и самого его встретил. Передал крестьянин просьбу царя Ивана Васильевича. Явился Ермак перед царские очи. Царь глянул на атамана и говорит:

— Слышал я о тебе, Ермак Тимофеевич, разные вести. И смертоубийство за тобой водится, и корабли купеческие на Волге ты разбивал. Не сносить бы тебе головы, но царь милостив, зла тебе не сделает, а только наградит, если ты для него доброе дело сделаешь. Знаешь ли, что есть за Большим камнем земля Сибирь, но владеет ей незаконно татарский хан Кучум. В той земле богатства несметные, земля нехоженная. Искупил, Ермак, свою вину, излови ты хана Кучума, а людей его под мою царскую власть подведи, чтоб по соболу в год дань мне исправно платили.

Ермак Тимофеевич не посмел перечить царю, а тут же собрался и отправился к своим казакам. Рассказал он своим молодцам, какую задачу задал ему царь, и порешили они овладеть Сибирским ханством. Ермак к своему старому другу Строганову обратился, а тот снарядил отряд всем необходимым: и порохом, и пушками, и пищалями, и продуктами для дальнего похода. И отправился Ермак с казаками в чужие земли. Скоро на стругах дошел Ермак до Тобола, взял город Сибирь, покорил местный народец и привел его к присяге царю-батюшке. Затем устремился Ермак на Иртыш, чтобы сразиться с самим ханом Кучумом. После боя хан позорно бежал в степи, а царство его русским людям досталось. Ивана Кольца отправили к царю с вестью, что Сибирское ханство теперь в полной власти государя Ивана Васильевича.

С тех пор начали там русские люди обживать да города строить, а Ермака Тимофеевича ныне добрым словом поминают.